

Кудрявцева Катерина Георгиевна

ЖЕНА, ОБЛЕЧЁННАЯ В СОЛНЦЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 12-Й ГЛАВЫ ОТКРОВЕНИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/11-2/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 11 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 36-40. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Таким образом, суда русской постройки составляли 75% всей стоимости пароходов, пополнивших речные флоты России за 1893-1897 гг., и почти 84% общего количества этих судов. Большинство из них были построены в Поволжье [8, с. 69].

В результате, необходимость транспортировки бакинской нефти на внутренние реки России и создание Каспийского и Волжского наливных флотов в 80-90-х гг. XIX в. способствовали развитию важнейшей отрасли тяжелой промышленности России - гражданского судостроения, центром которого было Поволжье.

Список литературы

1. Боголюбов Н. История корабля. М., 1880.
2. Быховский И. А. Рассказы о русских кораблестроителях. Л., 1966.
3. Васильев В. И. Речной и морской транспорт в нефтепроводах. Л., 1924.
4. Государственный архив Астраханской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 589. Л. 64.
5. Лисицкий С. М. Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М., 1967.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 95. Оп. 1. Д. 1696. Л. 1.
7. Русское судоходство. 1895. № 154.
8. Самедов В. А. Нефть и экономика России (80-90-е годы XIX века). Баку, 1988.
9. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1892 год. СПб., 1896. Раздел II.
10. Свод данных о фабрично-заводской промышленности в России за 1897 год. СПб., 1900. Раздел III.
11. Статистический обзор железных дорог и внутренних водных путей России. СПб., 1900.
12. Черников Н. Современное состояние судоходства по рекам Волжского бассейна. 1903. № 4.
13. Яковлев И. И. Корабли и верфи: очерки истории отечественного судостроения. Л., 1970.

УДК 228

Катерина Георгиевна Кудрявцева

Центр изучения религий Российского государственного гуманитарного университета

ЖЕНА, ОБЛЕЧЁННАЯ В СОЛНЦЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ 12-Й ГЛАВЫ ОТКРОВЕНИЯ ИОАННА БОГОСЛОВА[©]

Образ жены, облеченной в солнце, является одним из центральных для всего текста Откровения Иоанна Богослова, и попытка прояснить некоторые детали, с ним связанные, по нашему мнению, может внести определенный вклад в понимание текста Апокалипсиса Иоанна в целом. Но при этом стоит отметить, что мы не пытаемся дать полное толкование образа жены, облеченной в солнце, но скорее указать на некоторые детали и связь данного образа с определенными мифологическими сюжетами, что дает возможность расширить существующие толкования изображения жены, облеченной в солнце.

Жена, облеченная в солнце, появляется в 12-й главе Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце» (Откр. 12:1). Жена, облеченная в солнце, появляется стоящей на луне и в окружении 12-ти звезд: «...Под ногами ее луна, на голове ее венец из двенадцати звезд» (Откр. 12:1). Жена «имеет во чреве» и преследуема драконом. В конце текста она оказывается невестой агнца, небесным Иерусалимом.

Данный образ трактуется комментаторами по-разному. Мы не будем разбирать все возможные интерпретации подробно, но отметим лишь основные. Христианские богословы видели в нем символ церкви либо Богородицы¹. Современные исследователи, обращая внимание на истоки данного образа, указывают как на мифологические, так и на определенные астрологические параллели. А. Ярбро Коллинз, например, выделяет в образе жены, облеченной в солнце, три символических уровня: первый - «некое небесное существо, царица небес», окруженная астральными элементами, где двенадцать звезд - двенадцать знаков Зодиака (при этом исследовательница проводит сравнение с изображениями Иисуса, а также указывает на параллели с Артемидой Эфесской и с Сирийской богиней Атаргатис [19, р. 72-75]; второй символический уровень - «небесный Израиль, невеста Бога, мать Мессии и его последователей»; третий - весь сюжет погони дракона за женой олицетворяет «конфликт иудеев и ранних христиан с Римом в I в. до н. э. - II в. н. э.» [20, р. 108, 130].

[©] Кудрявцева К. Г., 2010

¹ См., например, «Толкование Апокалипсиса» Андрея Кесарийского. «Под женою, облеченною в солнце, некоторые всецело разумели Пресвятую Богородицу, потерпевшую еще прежде, чем познан был ее Божественный Сын. Но как Господь наш родился за долго пред сим, то великий Мефодий, считая сказанное несоответствующим Владычнему рождению, принимает жену за Святую Церковь. Не излишне привести здесь и самые слова блаженного Мефодия, который в сказанной беседе от лица девы Проклы говорит: «Жена, облеченная в солнце, есть Церковь; и что для нас одежда, то для нее свет, и что для нас золото и блестящие драгоценные камни, то для нее звезды, - звезды лучшие и светлейшие» (сл. 11, гл. 33) [1].

Мы бы хотели остановиться именно на сюжете погони дракона за женой, облеченной в солнце, что, как нам кажется, может дать некоторый ключ к интерпретации образа и его роли в тексте Откровения Иоанна Богослова.

Сам по себе сюжет борьбы героя с драконом достаточно распространен, встречаясь во многих древних мифах Шумера, Вавилона, Египта. Но при этом миф о преследовании драконом именно женщины не находит такого широкого распространения [19, р. 60-64]. Ни в ТаНаХе, ни в Новом Завете мы не можем найти подобного примера. Наиболее близкие к Откровению сюжеты появляются в египетской и греческой мифологиях.

В египетской традиции Среднего царства Сет, изображающийся как мифическое животное или человек с головой демонического зверя, преследует Исиду, чтобы препятствовать рождению ее сына Гора. Наиболее схожий с Апокалипсисом сюжет погони дракона за женщиной появляется в греческом мифе об Аполлоне, Лето и Пифоне. В одной из версий этого мифа, которая, по утверждению ряда ученых, является более ранней, Пифон, посланный Герой, преследует Лето, пытаясь предотвратить рождение Аполлона [ibidem, р. 62-64]. И, по мнению ряда исследователей, например А. Ярбро Коллинз и Б. В. Снайдер, именно этот миф, распространенный в Римской империи, особенно в Малой Азии в период с I в. до н. э. - I в. н. э., мог напрямую отразиться в Апокалипсисе [13, р. 26; 20].

Вполне возможно, что подобное влияние могло иметь место, но, по нашему мнению, не менее важным для Апокалипсиса является и другой миф, распространенный практически в каждой культуре - миф о преследовании драконом солнца, который отражает присущую сознанию человека тревогу относительно исчезновения солнца ночью и во время затмений. Так, например, у народа семанги, проживающего в Малой Азии и Таиланде, затмения луны и солнца вызывают две разные змеи, или дракона, пытающиеся их проглотить. Коморцы, проживающие на острове Johanna в Восточной Африке, верят в то, что во время затмения на солнце нападает чудовище. У бантуязычного южноафриканского народа тсвана существует миф о том, что каждый вечер солнце пожирает крокодил, а каждое утро он отдает его вновь. В Южной Америке, у народа самихнаяр, есть поверье, что во время затмений змей Rahu съедает луну и солнце. Интересно, что на новгородском нагрудном украшении XIV в. изображен змей (дракон), готовый проглотить солнце [2].

Миф о нападениях дракона (змея, чудовища, зверя) на солнце встречается практически в любой точке земного шара, и даже у самых примитивных народов. И, как нам кажется, в Апокалипсисе мог отразиться не только древний миф о борьбе с драконом, но также еще более древнее и более распространенное представление о погоне дракона за солнцем.

К тому же, стоит отметить еще одну очень важную деталь - понятия, определяющее солнце на иврите в древних текстах (הַשֶּׁמֶשׁ, שֶׁמֶשׁ, חַמָּה) - женского рода. Это может говорить о том, что за этими словами стоит женский образ, и, возможно, в протоиврите солнце воспринималось как женщина, что является некоторым подтверждением в пользу отождествления жены из Апокалипсиса с солнцем.

Мы уже говорили о том, что в ТаНаХе нет случая преследования драконом женщины. Но зато появляется образ женщины-солнца, женщины-города. Причем оба описания присутствуют в одном тексте, в одной главе и относятся к одной женщине. Так, в 6-й главе Песни Песней говорится: «*Прекрасна ты, возлюбленная моя, словно Тирца, любезна, как Иерусалим... 10. Кто это, блистающая, как заря, прекрасная, как луна, сияющая, словно солнце (בְּרָהָהָ כְּהַלָּהָ)...?*». Возможно, что это описание оказало влияние на Апокалипсис Иоанна, тем более, если учитывать ту большую степень влияния книг Ветхого Завета на данный текст, а также то, что иврит, по всей видимости, был для автора Апокалипсиса родным языком [11, р. 2, 65].

К этому стоит прибавить, что восприятие солнца как женщины было не чуждо многим культурам. Подобное представление можно встретить у разных народов Африки, у большинства народов Австралии, Меланезии и Макронезии. У японцев божество солнца - богиня Аматерасу. В Северной Америке солнце как женщина появляется у народов ючи, туника, билокси. Если говорить о России, то стоит отметить, что практически в каждой части страны распространен образ солнца как женщины: у коми, коми-зырян, мари, башкиров, тюрков - в районах Волги и Центральной Сибири, ненцев, хантов, манси - в Западной Сибири, алтайцев, телеутов, бурят, монголов - в Южной Сибири, якутов, эвенков, эвенов - в Восточной Сибири.

Помимо древнего иврита женский род солнца сохранился также в германских языках, например, в норвежском, что связано с представлением о солнце как женщине у народов данного региона - например, у исландцев, норвежцев, шведов, саамов, латышей, литовцев [2].

Возвращаясь к тексту Откровения Иоанна Богослова, стоит отметить, что видение жены, облеченной в солнце, появляется ровно в центре всей книги, в серии видений, которая, как отмечает большинство ученых, является четвертой в композиции Апокалипсиса. Так, большинство ученых считают число 7 основополагающим для общей структуры текста, выделяя шесть или семь основных частей, построенных на принципе семерки¹. В тексте присутствуют четыре серии видений, которые явно пронумерованы от 1 до 7. Это 7 посланий церквам, 7 печатей, 7 труб и 7 чаш. Но, кроме этих серий, присутствует еще немало нумерованных видений, которые многие ученые также объединяют в серии, состоящие из семи видений.

¹ Хотя далеко не все разделяют это мнение.

Исследователи в основном сходятся во мнении, выделяя первую серию нумерованных видений, которая, в свою очередь, представляет собой четвертую серию видений всего текста. Именно эта серия открывается видением жены, облеченной в солнце. Несоответствие во мнениях можно наблюдать по поводу выделения последних серий видений. Так, А. Фаррер, а за ним и А. Ярбро Коллинз выделяют, помимо уже упомянутой, только одну серию - с 19:1 по 21:8, помещая образы Вавилона и Иерусалима в два аппендикса [19, р. 14-15]. Другие, например, Л. Томпсон, говорят о присутствии семи гептад, выделяя после серии чаш две серии нумерованных видений (17:1 - 19:10 и 19:11 - 20:15) [17, р. 333-335]. Мы склонны придерживаться именно этой схемы, к чему вернёмся несколько позже.

И если наше предположение относительно отождествления жены с солнцем, которое преследует дракон, верно, то это дает повод говорить о том, что именно образ солнца оказывается ключевым для всей серии видений, где появляется жена.

Данная серия видений обрамлена двумя другими практически параллельными сериями, связанными с трубами и чашами. Обе серии в целом следуют за повествованием египетских казней, но на четвертом месте и там, и там, появляется совершенно новый мотив, а именно бедствия, связанные с солнцем и другими небесными светилами. Необычно также и то, что расположение четвертых казней в обеих сериях совершенно симметрично. Следует заметить, что казней в контексте с трубами и чашами в Апокалипсисе семь, в отличие от Исхода, где говорится о десяти казнях.

Согласно Книге Бытия, все небесные светила были созданы как раз на четвертый день творения: «14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов... 19 И был вечер, и было утро: день четвертый» (Быт. 1:14, 19).

К тому же, жена, облеченная в солнце, появляется стоящей на луне и в короне из двенадцати звезд. Таким образом, перечислены все небесные светила, сотворенные на четвертый день, хотя солнце явно выделено. Итак, мы можем видеть, что солнце, в сопровождении луны и звезд, появляется в центре всего текста, на четвертом месте в общей композиции текста. Окружают же данное видение серии казней, где солнце абсолютно параллельно помещено на четвертое место.

По нашему мнению, подобное расположение сделано по аналогии с творением солнца на четвертый день. И вся композиция текста - семь серий по семь видений, по нашему мнению, символизирует семь дней Творения, а четвертый компонент непосредственно связан с четвертым днём Творения. Именно поэтому нам кажется схема Томпсона более приемлемой.

Согласно словам из Бытия, светила созданы «для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов» (Быт. 1:14), которые являются основными показателями времени. И именно с творения солнца на четвертый день мы можем говорить о начале времени [18, р. 4]. Таким образом, через образ солнца мы можем связать образ жены именно с темой начала времени.

Как мы уже отметили, выделение солнца и четвертого компонента, вероятно, связано с четвертым днем творения, с которого становится возможным отсчет времени и временных циклов. Апокалипсис не дает точной даты событий конца, но тема измерения времени и точного его определения становится очень важной. Так, не раз появляется мысль о том, что время пришло, что события случаются именно в то время, которое запланировано.

Слово *ώρα* появляется несколько раз в контексте с разными наказаниями. В 14:7: «... ибо наступил час суда Его», 14:15: «... пришло время жатвы», 18:10: «... в один час пришел суд твой». Четыре ангела, предназначенные для того, чтобы умертвить одну треть людей, приготовлены «на час, и день, и месяц, и год» (Откр. 9:15), - подобное выражение очень напоминает слова из Бытия о творении небесных светил.

В самом начале, в 3-м стихе 1-й главы говорится о том, что «время близко (*καιρός ἐγγύς*)» (Откр. 1:3). Слово *καιρός* появляется в переводе Септуагинты 14-го стиха 1-й главы Бытия, где говорится, что светила будут «для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен (*εἰς καιρόν*), и дней и годов» (Быт. 1:14). Интересно, что это же выражение появляется в конце текста, в 22:10, «... не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко (*ὁ καιρός ἤρ ἐγγύς ἐστίν*)» (Откр. 22:10). Таким образом, текст получается как бы заключенным в некоторые рамки, связанные с темой времени.

Но в Новом творении время прекращается: «И клялся Живущим во веки веков, ... что времени уже не будет» (Откр. 10:6). Вместо светил, разделяющих день и ночь, в будущем городе Откровения Иоанна будет вечный свет, исходящий от Славы Божией: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, светильник его - агнец» (21:23-25). Хотя наличие светила не отрицается, просто, оно будет качественно новым: «Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню япису кристалловидному» (21:11).

Так, время оказывается непосредственно связанным со светилами и действует только в период между Творением и Новым творением, с которым происходит обновление светил, а, следовательно, и конец времени. Но здесь мы можем видеть непосредственную связь Первого Творения и Нового Творения, связь темы начала времени с темой конца времени.

Прежде всего, подобная связь выражена в непосредственном взаимоотношении образа жены, облеченной в солнце, с Небесным Иерусалимом. Ибо жена в конце текста становится Небесным Городом, сходящим на землю. Оба образа непосредственно связаны с солнцем. Исходя из сравнения Откровения с такими текстами, как Храмный Свиток и Книга пророка Даниила, мы можем говорить о том, что автор Апокалипсиса пользуется солнечным календарем. Данный солнечный календарь, состоящий из 364-х дней (или $360 + 4$) [9, р. 320-325], по всей видимости, мог отразиться в строении Небесного Иерусалима. Конструкция этого Города во многом повторяет описание храма в Храмном Свитке¹, которое, по мнению некоторых ученых (М. Баркер и Б. Тиеринг), представляет собой механизм вычислений положений солнца [16, р. 336; 3, р. 63-64]. К тому же, светило, которое присутствует в Небесном Городе, сравнивается с ясписом², другое название которого «гелиотроп» [4, с. 214]. А само название «гелиотроп» можно перевести как «поворот к солнцу» или «оборот солнца». Также стоит отметить, что яспис ассоциировался с Меркурием [20, р. 101], самой ближайшей к солнцу планетой. Интересно, что на иврите название солнца и Меркурия звучат одинаково - «כוכב» («звезда»), или же «כוכב היום» («солнечная звезда»).

Подобная связь Нового Иерусалима с солнечным календарем и образом солнца становится очень важной для трактовки образа жены как солнца. И, получается, что два эти образа, представляющие, по сути, одно, непосредственно связаны с солнцем.

Связь Первого и Нового Творений мы можем также видеть и на другом уровне - в числовой символике. Если на протяжении всего текста Апокалипсиса мы могли наблюдать число 7 как основной организующий принцип, то с Новым творением, когда Небесный Иерусалим сходит на землю, появляется число 12, которое становится некоторым символом Нового творения, кульминационным числом для Апокалипсиса. Небесный Иерусалим измеряется в 12.000 стадий, он имеет 12 ворот с 12-тью ангелами, на воротах написаны имена 12-ти колен Израиля, ворота украшены 12-тью жемчужинами. Стена города имеет 12 оснований, на которых написаны 12 имен апостолов и которые украшены 12 камнями. Стена города 144 локтя, что представляет собой 12, умноженное на 12.

12, в свою очередь, представляет собой произведение 3 и 4. Сами по себе эти числа оказываются очень важными для Апокалипсиса. Так, 7 печатей явно разделены по смыслу на 4 и 3. 7 ангелов, появляющихся в 14-й главе, разделены на 3 и 4. Новый Иерусалим имеет 4 стороны, по трое ворот на каждой. Драгоценные камни, которые украшают 12 оснований города, соответствуют 12-ти камням на нагруднике у первосвященника, которые располагались по 3 в 4 ряда³.

Сложение же чисел 3 и 4 дает 7, и на основании этого мы можем говорить, что 7 мистически равно 12. К тому же, число 12 по отношению к Небесному Городу появляется ровно 7 раз, а жена является в окружении 12-ти звёзд⁴. В этом мы также можем видеть связь этих чисел, а также связь образов жены, облечённой в солнце, и Нового Иерусалима.

¹ Здесь можно выделить следующие схожие черты между двумя текстами: длина стены внешнего двора Храма в 11 QT – 1600 локтей. На каждой стороне располагается по трое ворот, длина которых – пятьдесят локтей. Расстояние от ворот до ворот – 360 локтей. Таким образом, получается, что длина стены без учёта ворот – 1440 ($360 \times 4 = 1440$). В Апокалипсисе длина стены – 144 локтя: «и стену он измерил во сто сорок четыре локтя» (Откр. 21:17). Причём мера в 1600 появляется в Апокалипсисе в 14-й главе, когда кровь течёт «на тысячу шестьсот стадий» (Откр. 14:17). В это же время длина стены Храма в книге пророка Иезекиила, чьё описание будущего Храма, видимо стало одним из основных источников для глав 21-22 Апокалипсиса, – 500 мерных реек (каждая рейка – 6 локтей, где каждый локоть больше обычного на одну ладонь) (Иез. 42:16-20), а длина стены города – 4500 реек (Иез. 48:16).

К тому же внутренний двор Храма, представленного в 11 QT, имеет четверо ворот (по одному с каждой стороны), которые соответствуют основным направлениям света, средний и внешний – 12 (по три с каждой стороны), причём на них написаны имена 12-ти колен Израиля. Все эти детали (за исключением наличия 3-х дворов) находят свои параллели в Апокалипсисе, хотя подобные детали и присутствуют в Иезекииле, что всё же ограничивает наше предположение о влиянии Храмного свитка на описание города в Апокалипсисе в основном длиной стены.

² Яспис (яшма) упомянут последним на наперстнике первосвященника в Исходе (Исх. 28:17-21), в Мидраш Раба яспис назван камнем Биньямина («...Камнем Биньямина был яшфе, и цвет его знамени был... смесью всех двенадцати цветов...» (Мидраш Раба (Бэмидбар раба 2:7)), Андрей Кесарийский уподобляет яспис апостолу Петру: «Ясписом по цвету, подобно смарагду, зеленоватым правдоподобно обозначен Верховный Петр, носивший в теле мертвость Христову, показавший непрестанно цветущую и неувядаемую к Нему любовь и теплою верою наставивший нас на место злчное» («Толкование на Апокалипсис» - Сл. 23, гл. 67).

³ См. Исх. 28:15-21: «Сделай наперстник судный искусною работою... 17 И вставь в него оправленные камни в четыре ряда; рядом: рубин, топаз, изумруд – это один ряд; 18 Второй ряд: карбункул, сапфир и адамаз; 19 Третий ряд: яхонт, агат и аметист; 20 Четвёртый ряд: хризолит, оникс и яспис...».

⁴ За 12-ю знаками Зодиака, как и за планетами, с древнейших времён были закреплены определённые драгоценные камни, как например, сардоникс был связан со Скорпионом, сапфир – с Водолеем, яспер – с Рыбами [20, р. 101]. Подобные представления можно найти, например, и у Иосифа Флавия: «Сардониксы на плечах первосвященника знаменуют солнце и луну, а двенадцать камней [нагрудника] могут быть приняты либо за изображения месяцев, либо за такое же число звезд, группу которых греки называют зодиаком» (Т. 2. – 3.7.7).

Употреблённое в Апокалипсисе слово «ἀστὴρ» - звезда (12:1) могло быть применимо как к одной звезде, так и к созвездиям, в особенности, зодиакальным. Поэтому, как отмечает А. Ярбро Коллинз, 12 звёзд символизировали Зодиак [Ibidem, р. 108]. Следовательно, аналогия 12 звёзд с драгоценными камнями предстаёт вполне очевидной.

К тому же, число 3, согласно пифагорейской традиции, символизировало некую полноту - начало, середину и конец, и могло быть выражено в форме круга. 4 - уравновешенность и справедливость, и обозначалось квадратом. Таким образом, их взаимодействие может быть выражено в фигуре круга, вписанного в квадрат [Ibidem, p. 91-92].

Данный символ является распространенным во многих культурах, в западной и восточной традициях, обозначая совокупность неба и земли. По нашему мнению, подобный символ может быть графическим выражением Небесного Иерусалима, нисхождение которого на землю знаменует совмещение и единство неба и земли.

Таким образом, через связь образов жены, облеченной в солнце, и Небесного Иерусалима, а также чисел 7 и 12, мы можем видеть непосредственную связь Первого Творения и Нового Творения. Ибо образ жены, связанный с созданием светил, началом времени и Первым Творением, которое выражено числом 7, переходит в образ Небесного Иерусалима, связанного с преображением светил, концом времени и Новым Творением, что символизирует переход времени, представленного солнцем, в вечность.

Список литературы

1. **Андрей Кесарийский.** Толкование Апокалипсиса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apocalypse.orthodoxy.ru/kesar/067.htm>
2. **Берёзкин Ю. Е.** Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>
3. **Откровение святого Иоанна Богослова** // Библия: книги Священного писания Ветхого и Нового Завета, канонические / в русс. пер. с параллельными местами и приложениями. М.: РБО, 2005. С. 286-303.
4. **Пыляев М. И.** Драгоценные камни: их свойства, местонахождения и употребление. 3-е изд., доп. С-Петербург: Издание А. С. Суворина, репринтное воспроизведение издания 1888. С. 403.
5. **Храмовый свиток** / пер. К. Б. Старковой [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblicalstudies.ru/Lib/Kumran/11QTempleS.html>
6. **Barker M.** The Temple Measurements and The Solar Calendar // Temple Scroll studies: papers presented at the International Symposium on the Temple Scroll / ed. by G. J. Brooke; Journal for the study of the Pseudepigrapha. Supplement. Series 7. Manchester, 1987. P. 62-66.
7. **Beckwith R. T.** Calendar, Chronology and Worship: studies in Ancient Judaism and Early Christianity. Leiden, Boston: Brill, 2005. P. 255.
8. **Biblia Hebraica Stuttgartensia.** 5-е изд. Германское библейское общество, 1997. 1574 с.
9. **Boccaccini G.** The Solar Calendar of Daniel and Enoch // The Book of Daniel: Composition and Reception: in 2 vols. / ed. by J. J. Collins, P. W. Flint. Leiden: Brill, 2001. P. 311-328.
10. **Brooke G. J.** The Temple Scroll and The New Testament // Temple Scroll studies: papers presented at the International Symposium on the Temple Scroll / ed. by G. J. Brooke; Journal for the study of the Pseudepigrapha. Supplement. Series 7. Manchester, 1987. P. 181-199.
11. **Charles R. H.** A critical and exegetical commentary on the Revelation of St. John. T & T Clark, 1920.
12. **Novum Testamentum Graece** / editione vicesima septima revisa. 1898 und 1993 Deutsche Bibelgesellschaft. Stuttgart, erweiterter Druck, 2001. P. 812.
13. **Snyder B. W.** Combat myth in the Apocalypse: the liturgy of the day of the Lord and the dedication of the heavenly temple. Berkeley, 1991. P. 394
14. **The Dead Sea Scrolls study edition** / ed. by F. Garcia Martinez, E. J. C. Tigchelaar. Leiden; New-York; Koln: Brill, 1997. P. 1361.
15. **The Temple Scroll** / transl. J. Maier // Journal of the study of the Old Testament. Supplement. Series 34 / ed. D. J. A. Clins, P. R. Davies. Sheffield: JSOT Press, 1985. P. 20-57.
16. **Thiering B.** The Temple Scroll Courts Governed by Precise Times // Dead Sea discoveries. Leiden, Boston: Brill, 2004. Vol. 11. No 3. P. 336-358.
17. **Thompson L.** Cult and Eschatology in the Apocalypse of John // The Journal of Religion. Chicago: The University of Chicago Press, 1969. Vol. 99. No 4. P. 330-350.
18. **VanderKam J. C.** Calendar in The Dead Sea Scrolls: measuring time. London - New-York, 1998. P. 136.
19. **Yarbro Collins A.** The Combat myth in The Book of Revelation. Missoula, Montana: Scholars Press, 1976. P. 292.
20. **Yarbro Collins A.** A Cosmology and Eschatology in Jewish & Cristian Apocalypticism. Leiden, Boston.

УДК 304.2

Ангелина Леонидовна Кузеванова
Волгоградский институт бизнеса

РОССИЙСКОЕ КУПЕЧЕСТВО ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.: ЦЕННОСТНЫЕ ПРИНЦИПЫ БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ РЕАЛИЗАЦИИ[©]

В России второй половины XIX века сложилась специфическая социокультурная ситуация, создавшая предпосылки для изменения и развития ценностных принципов представителей деловой среды, которые, будучи «третьим сословием», встречавшим неоднозначное отношение в среде интеллигенции и в бюрократических кругах, стремились повысить свой социальный статус и престиж.